Глава 20. Мандарин

Цуй Сян и Е Цяоцяо, видать, сотворили в своей жизни слишком много зла. Ещё до того, как по городку Фэнхуэй поползли слухи о «нечисти, вырывающей сердца», ворота поместья Цуй уже были сплошь заклеены талисманами изгнания зла.

Будучи мстительным призраком, Юй Ваньэр не могла к ним приблизиться. Она караулила у ворот, но после череды смертей поместье охватил первобытный ужас. С наступлением сумерек двери запирались наглухо, и никто не осмеливался выйти наружу.

Впрочем, Юй Ваньэр не собиралась тратить время впустую. Она поклялась, что ни один из тех, кто издевался над ней, не уйдёт от возмездия.

Горожан гибло всё больше, и чета Цуй становилась всё осторожнее. Целый год Юй Ваньэр выжидала, расправляясь с остальными обидчиками, пока наконец Цуй Сян и его супруга не совершили роковую ошибку, решив покинуть дом.

***

Налетевший порыв ветра заставил Цуй Сяна и Е Цяоцяо вздрогнуть. Очнувшись, они с ужасом осознали, что всё ещё находятся в том жутком дворике — они не продвинулись ни на шаг.

Увидев воочию всё, что довелось пережить Юй Ваньэр, они побледнели. Кожа приобрела серовато-свинцовый оттенок, став мертвеннее, чем у покойников. Ведь именно они были архитекторами этой трагедии.

Цуй Сян и Е Цяоцяо смотрели на возникшую перед ними Юй Ваньэр. Горло словно сдавило невидимыми тисками, они не могли выдавить ни слова мольбы.

С каждым шагом призрака температура вокруг стремительно падала. Животный страх заставил Цуй Сяна вскочить и мертвой хваткой вцепиться в горло собственной жены. Он исказился в безумной гримасе и вопил как помешанный:

— Ваньэр, это она! Всё эта ядовитая тварь! Она погубила тебя и твоего ребёнка! Она обманула меня, я ничего не знал! Клянусь, я не ведал, что ты погибла по её вине! Я убью её ради тебя! Прямо сейчас отомщу за тебя, отомщу!

Юй Ваньэр замерла, провожая эту абсурдную сцену ледяным взглядом. Одни супруги перед лицом смерти остаются верны друг другу, другие же при первой угрозе готовы перегрызть глотку вчерашнему близкому человеку, забыв о годах, проведённых вместе.

Цзян Мянь и Цинь Уцзю наблюдали за происходящим со стороны. Им открылась вся подноготная этой истории. Им было искренне жаль Юй Ваньэр — несчастную женщину,

доведённую до крайности.

Во дворе Цуй Сян давил с такой силой, что на его руках вздулись жилы — он всерьёз вознамерился лишить жену жизни.

Е Цяоцяо стояла на коленях, широко разинув рот. Она закатила глаза, лицо стало багрово-фиолетовым от нехватки воздуха. Она отчаянно скребла ногтями руки своего благоверного, оставляя на них глубокие борозды, но не могла разомкнуть эти железные объятия ни на йоту.

Когда Е Цяоцяо была уже на грани смерти, свистящий поток меча ударил Цуй Сяна по рукам. Тот вскрикнул от боли, разжал пальцы и кубарем откатился назад, рухнув на землю.

Подняв голову, он увидел на стене учеников ордена Небесного Пути и разрыдался от облегчения. Он потянулся к зашедшейся в кашле Е Цяоцяо, желая помочь ей встать, но та с диким криком оттолкнула его руку. Сжавшись в комок на земле, она смотрела на мужа с нескрываемым ужасом.

Цуй Сян замер, осознав, что только что совершил.

Столько лет брака привели к такому финалу. Поистине горькая ирония.

Ци Чжаншэн спрыгнул со стены во двор.

Они патрулировали город, когда их артефакты уловили мощный всплеск призрачной энергии.

Глядя на Юй Ваньэр, Ци Чжаншэн не выказал суровости, обычной при встрече с нечистью. В его взгляде читалась лишь глубокая скорбь.

— Госпожа Юй, прошу, успокойтесь, — тихо заговорил он. — Нам теперь известно всё, что вам пришлось вынести. Эти двое заслуживают ненависти, но они не стоят того, чтобы вы губили свою душу убийством. Дайте себе шанс. Пойдёмте со мной в орден. За сотню лет мы поможем вам очиститься от злобы, и вы сможете вновь войти в цикл перерождений.

Ци Чжаншэн смотрел на неё с надеждой, полагая, что его слова достигли цели. Однако Юй Ваньэр действовала молниеносно: одним резким движением она пронзила сердца Цуй Сяна и Е Цяоцяо.

Ци Чжаншэн на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, на его волевом лице отразились сожаление и жалость.

— В бой! — коротко скомандовал он.

Цзян Мянь подошёл ближе и осторожно коснулся руки Ци Чжаншэна, сжимающей меч.

— Старший брат Ци, не нужно, — вполголоса произнёс он.

Юй Ваньэр уже сама выбрала свой конец.

Ци Чжаншэн замер. В этот миг первый луч солнца прорезал предрассветный мрак и коснулся земли.

Всё тайное и злое не может устоять перед светом. За злодеяния четы Цуй пришлось платить высокую цену. Трагедию, что уже случилась, было не повернуть вспять, и от вида разгорающегося рассвета на сердце становилось лишь тяжелее.

У ворот двора незаметно собралась толпа любопытных горожан. Понимая, что под защитой ордена им ничего не грозит, они нагло заглядывали внутрь.

Маленький нищий А-Яо, каким-то чудом выбравшийся из-под стражи в управе, растолкал людей и бросился во двор к фигуре Юй Ваньэр, которая начала стремительно бледнеть, становясь прозрачной.

— Сестрица! — выкрикнул он, и на глазах выступили слёзы.

Услышав этот голос, Юй Ваньэр вздрогнула и обернулась. Увидев в толпе А-Яо, она инстинктивно спрятала окровавленные руки за спину и мягко, с затаённой грустью улыбнулась ему.

— Прости меня, — прошептала она. — И не плачь.

Солнце поднималось всё выше. Юй Ваньэр не пыталась скрыться, напротив — она широко раскинула руки навстречу свету. Её силуэт быстро растаял в солнечных лучах, рассыпавшись невесомым пеплом.

А-Яо, которого удерживали за плечи, закричал во весь голос:

— Сестрица, сестрица, не уходи!

— Не уходи, сестрица!..

Этот отчаянный, полный боли крик эхом разнёсся по окрестностям, каждым словом ударяя по совести жителей Фэнхуэя. Под холодными, осуждающими взглядами учеников ордена они пристыженно опускали головы.

Цзян Мянь коснулся лба мальчика, пустив тонкую струйку духовной энергии в его меридианы. Крик А-Яо оборвался — он мгновенно усмирил свои чувства и погрузился в глубокий сон.

Это было простое заклинание успокоения. Мальчик был слишком напуган и взвинчен, он мог совершить какую-нибудь глупость, так что сон был для него лучшим лекарством.

На детском личике ещё не просохли дорожки от слёз, веки покраснели. Зрелище было по-настоящему жалким.

Цзян Мянь тяжело вздохнул. Этот ребёнок был не по годам смышлёным. Скорее всего, он давно догадался, что беды в городе — дело рук Юй Ваньэр. Когда они только вошли в город, А-Яо увязался за ними с младшим шишу вовсе не для того, чтобы что-то украсть, а чтобы выведать новости.

Теперь всё кончено, злодеи получили по заслугам. Оставалось лишь надеяться, что мальчик сумеет пережить это горе.

***

Когда пыль улеглась, А-Яо пришёл к могиле Юй Ваньэр. Он молча стоял на коленях, роняя слёзы и горсть за горстью сжигая поминальную бумагу. Со спины его маленькая фигурка казалась совсем хрупкой и одинокой.

Цзян Мянь присел рядом и тоже бросил охапку ритуальных денег в костёр.

За их спинами ученики ордена Небесного Пути во главе с Ци Чжаншэном выстроились в ровную шеренгу и застыли в скорбном поклоне.

Чуть поодаль мялись горожане Фэнхуэя с подношениями в руках, не решаясь подойти ближе.

Спустя долгое время А-Яо трижды поклонился могиле и хрипло произнёс:

— Сестрица, не волнуйся за меня. Я справлюсь один. Я не стану таким, как они.

Он сохранит память об этом дне навсегда. Останется добрым и никогда не ступит на путь зла.

Когда группа вернулась на постоялый двор, Цзян Мянь отправился на задний двор умыться. А-Яо тенью следовал за ним — казалось, душа мальчика покинула тело, оставив лишь пустую оболочку.

Заметив опухшие от слёз глаза ребёнка, Цзян Мянь попросил у слуги льда и завернул его в

чистую ткань. Приложив компресс к векам А-Яо, он мягко сказал:

— Не дергайся, это поможет снять отёк.

А-Яо почувствовал облегчение и, прижав ткань рукой, тихо поблагодарил.

— Что планируешь делать дальше? — спросил Цзян Мянь.

— Не знаю, — мальчик выглядел потерянным. — Оставаться здесь я не хочу, но куда идти — ещё не придумал.

Цзян Мянь нахмурился. Опасно такому маленькому ребёнку отправляться в путь в одиночку.

Стоявший рядом Ци Чжаншэн вдруг спросил:

— Не хочешь ли ты отправиться с нами в Орден Небесного Пути?

Цзян Мянь удивлённо вскинул брови. То, как Ци Чжаншэн пытался спасти Юй Ваньэр, и его нынешнее предложение приютить сироту — всё это говорило о благородстве и чистоте помыслов этих людей. Они совсем не походили на злодеев.

Он невольно обернулся к Цинь Уцзю, который сидел за соседним столом.

«Неужели младший шишу и впрямь метит в антагонисты?»

Цинь Уцзю, словно почувствовав этот взгляд, поднял глаза. Цзян Мянь тут же смутился и опустил взор, чувствуя себя так, будто его поймали на злословии.

Пока Ци Чжаншэн разговаривал с А-Яо, Цзян Мянь подошёл и присел рядом со своим шишу.

В зале было много людей, все сидели шумными компаниями, и только за столом Цинь Уцзю не было ни души.

Не успел Цзян Мянь придвинуться, как Цинь Уцзю небрежным жестом бросил ему что-то. Тот ловко поймал предмет и, раскрыв ладонь, увидел мандарин.

Улыбнувшись, он сел поудобнее.

— Спасибо, брат Цинь.

Цзян Мянь очистил плод, разделил его пополам и протянул половинку спутнику. Тот привычно взял дольку и отправил её в рот. Сладкий сок наполнил рот — настоящее удовольствие после долгого дня.

Цзян Мянь, как человек из современного мира, питал слабость к витаминам. Когда они жили в провинции Фэнчжоу, он каждый день, помимо основной еды, готовил фрукты.

Цинь Уцзю был слаб здоровьем, и в зимние холода Цзян Мянь резал фрукты на кусочки и подогревал их в горячей воде, прежде чем подать. Сначала Цинь Уцзю капризничал и воротил нос, но со временем привык.

Обычно Цзян Мянь ел свои фрукты холодными, сидя рядом. Цинь Уцзю порой проявлял детское упрямство и норовил стащить кусочек прямо из рук племянника — будь то виноград или долька мандарина.

Сперва Цзян Мянь пытался его ограничивать, но потом решил, что пара кусочков погоды не сделают. Со временем он и вовсе привык делиться.

Для Цзян Мяня это стало настолько естественным, что он и в этот раз не заметил подвоха: очистил и отдал, а Цинь Уцзю так же непринуждённо взял.

Лишь закончив ужин и вернувшись в свою комнату, Цзян Мянь вдруг вспомнил этот момент.

Младший шишу ведь его не помнит. За последние два дня они хоть и действовали сообща, но разговаривали мало.

Они должны быть почти чужими друг другу. А тут — двое мужчин, один чистит фрукты и подаёт другому, и оба едят как ни в чём не бывало. Это выглядело слишком... интимно.

Но Цинь Уцзю это не показалось ни странным, ни дерзким. Он взял дольку так естественно, словно делал это тысячи раз.

В душе Цзян Мяня шевельнулось подозрение.

«Младший шишу... он действительно меня не помнит?»

http://bllate.org/book/17489/1712386